

**Министерство образования
и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский экономический университет имени
Г.В. Плеханова»
(ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»)**

Кафедра международного бизнеса и таможенного дела

П.П. Яковлев

**«ЭФФЕКТ ТРАМПА»
ИЛИ
КОНЕЦ ГЛОБАЛИЗАЦИИ?**

Монография

RU
science
RU-SCIENCE.COM

Москва
2017

УДК 373.167.1:32
ББК 66.0
Я47

Рецензенты:

- И.О. Абрамова**, директор Института Африки РАН, член-корреспондент РАН, д-р экон. наук, проф.,
Л.Л. Ключковский, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, заслуженный деятель науки РФ, д-р экон. наук, проф.

Яковлев, Петр Павлович.

Я47 «Эффект Трампа» или Конец глобализации? : монография / П.П. Яковлев. — Москва : РУСАЙНС, 2017. — 144 с.

ISBN 978-5-4365-1761-2

В монографии дан анализ ключевых новейших тенденций, развивающихся в мировой экономике и торговле. В центре внимания – кризис существующей модели глобализации и попытки нынешней вашигтонской администрации изменить сложившиеся правила игры и переформатировать глобальный порядок. Показано, что «эффект Трампа» стал важным фактором процесса трансформации системы мирохозяйственных связей и оказал сильное воздействие на характер торгово-экономических отношений США с партнерами в Западном полушарии, Азиатско-Тихоокеанском регионе и в Европе. Меняющийся глобальный ландшафт бросает новые вызовы России и другим странам мира.

Рассмотренная в монографии проблематика чрезвычайно актуальна и представляет значительный интерес для научных работников, преподавателей и специалистов-практиков международных экономических отношений.

УДК 373.167.1:32
ББК 66.0

ISBN 978-5-4365-1761-2

© Яковлев П.П., 2017
© ООО «РУСАЙНС», 2017

Petr P. Yakovlev

**“TRUMP EFFECT”
or
THE END OF GLOBALIZATION?**

Monograph

**Moscow
2017**

**Ministry of Education and Science
of the Russian Federation
Plekhanov Russian University of Economics
(PRUE)**

**Academic Department
of International Business and Customs Affairs
*Dedicated to the 110th anniversary of
the Plekhanov Russian University of Economics***

Оглавление

Предисловие.....	7
ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА НА ПЕРЕЛОМЕ ТРЕНДОВ.....	11
Новый облик глобализационных процессов	11
Завершение «сырьевого суперцикла»	18
Лихорадка на нефтяных рынках	21
Жесткие императивы индустрии 4.0	26
На пороге кардинальных сдвигов	30
Горькое послевкусие глобализации	36
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАЗВИЛКИ РОССИИ	40
Национальная проекция глобальной нестабильности	40
Узел структурных проблем.....	44
Стратегические альтернативы роста	52
В ЭПИЦЕНТРЕ «ИДЕАЛЬНОГО ШТОРМА».....	59
Итоги «золотого десятилетия»	60
Эффект глобальной неожиданности.....	63
Интеграция или дезинтеграция?.....	66
Внутренние факторы торможения.....	69
Слагаемые экономического потенциала	71
Ключевые черты новой модели	76
Перед стратегическим выбором	79
«ПРОСТЫЕ» РЕЦЕПТЫ «ТРАМПОНОМИКИ»	82
Экономическое наследие Б. Обамы.....	82
«Сделать Америку снова великой»	87
Внешний периметр макроэкономической стратегии	91
К новому глобальному порядку.....	98
ЗАПАДНОЕ ПОЛУШАРИЕ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ	101
Ключевая роль Мексики	102
Латинская Америка в зоне риска.....	106
ТИХООКЕАНСКИЙ ФАСАД ГЛОБАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА	109
Страны АТР в мировой экономике и торговле	109
Итоги саммита АТЭС в Лиме	115
Китай в год Огненного Петуха	117
ТТП умер, да здравствует ТТП!	120

США – ЕС: КРИЗИС ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА.....	123
Переговорный процесс и параметры соглашения.....	123
Сфера трансатлантических противоречий	128
«Трампономика»: поворот на 180°	132
Мечта Вашингтона и кошмар Брюсселя.....	134
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МНОГОПОЛЯРНОСТЬ ИЛИ «НОВАЯ ГЛОБАЛИЗАЦИЯ»? (в жанре заключения)	138
Об авторе	142

Предисловие

Словосочетание «*эффект Трампа*» прочно входит в международный социально-политический и финансово-экономический лексикон. Политика нынешнего президента США (особенно ее внешнеэкономическая составляющая) уже оказала заметное воздействие на тренды, развивающиеся в недрах мировой экономики и торговли, сделала заявку на решающую роль в назревшем переформатировании процесса глобализации.

В политических элитах и респектабельных средствах массовой информации Запада избрание Дональда Трампа президентом самой мощной мировой державы произвело эффект разорвавшейся бомбы. Главной причиной такой острой реакции было то, что предвыборная программа эксцентричного миллиардера воспринималась как откровенно националистическая (точнее – неонационалистическая) альтернатива современному глобальному проекту, поскольку содержала целый ряд положений, идущих вразрез с действующими правилами и существующими стандартами поведения в системе мирохозяйственных связей. Иначе говоря, Д. Трамп, провозгласив политику протекционизма, решительно отверг политико-экономическое наследие своего предшественника Барака Обамы, взял курс на ревизию международной стратегии Соединенных Штатов и «перезагрузку» глобализации, скроенной по лекалам Вашингтонского консенсуса, со всеми вытекающими из этого неоднозначными последствиями. По сути, был запущен процесс трансформации мировой экономики и торговли.

Но было бы неверным утверждать, что все началось с Д. Трампа, что политика его администрации стояла у истоков тех тектонических и разнонаправленных сдвигов, которые мы сегодня наблюдаем практически повсюду. Нынешний хозяин Белого дома, указав (правда, в свойственной ему эпатажной манере) на проблемные узлы и уязвимые точки мирового экономического развития, в известном смысле сыграл роль того мальчика из знаменитой сказки Г.Х. Андерсена «Новое платье короля», который сказал, что «король голый».

Процесс глобализации, в последние десятилетия властно определявший основной вектор развития мировой экономики и торговли, со всей очевидностью начал пробуксовывать. Впервые признаки торможения дали о себе знать в период глобального финансово-экономического и производственного кризиса 2008–2009 гг., когда десятки государств прибегли к протекционистским мерам в стремлении защитить своих производителей от внешней конкуренции. Практика протекционизма вошла в клинч с политикой многосторонней ли-

берализации торговых отношений, проводимой сначала Генеральным соглашением по тарифам и торговле (ГАТТ), а затем Всемирной торговой организацией (ВТО), с середины XX столетия. Да и сама ВТО оказалась в затянувшемся кризисе, поскольку возникла ситуация утраты взаимного доверия между странами-членами, что помешало выработке и принятию новых правил международной торговли, адекватно отражающих динамично меняющиеся реалии XXI в., включая резко возросшее движение капиталов (в том числе прямых инвестиций и различного рода деривативов), формирование глобальных цепочек добавленной стоимости, трансграничное передвижение целых производственных комплексов, беспрецедентная по масштабам миграция рабочей силы, увеличение удельного веса обмена услугами, повышение значимости прав на интеллектуальную собственность и т.д. Отсюда – тупик на переговорах в рамках так называемого Дохийского раунда, которые велись с 2001 года¹.

Поскольку деятельность ВТО по дальнейшей либерализации международной торговли (прежде всего, в соответствии с интересами главных игроков глобальной экономики – транснациональных корпораций) застопорилась, то в Вашингтоне и Брюсселе это было воспринято как фактический провал политики «глобального мультилатерализма», эффективной альтернативой которому Соединенные Штаты и Европейский союз вознамерились сделать «региональный мультилатерализм» – формирование интеграционных объединений, способных на практике реализовать более либеральные и всеохватывающие нормы и правила трансграничной торговли². Таким образом, планировалось придать дополнительный импульс угасающей глобализации, дать жизнь *новому глобализму*.

Прямым следствием развития этих трендов стал перенос переговорной активности с многостороннего уровня в другие, более ограниченные форматы: региональный и двусторонний. Именно здесь начали рождаться торговые соглашения нового поколения («углубленного типа») или «договоры XXI века», которые наряду с вопросами либерализации товарообменов – снижение таможенных тарифов и нетарифных ограничений – включали положения об инвестициях, трансграничном перемещении услуг, защите интеллектуальной собственности, охране окружающей среды, движении рабочей силы и др. Запуск переговоров

¹ World Trade Organization. The Doha Round. – https://www.wto.org/English/tratop_e/dda_edda_e.htm

² The Geopolitics of TTIP. Repositioning the Transatlantic Relationship for a Changing World. Washington: Center for Transatlantic Relations, 2014.

по мегарегиональным или межрегиональным торговым соглашениям (МРТС) «дал толчок к одной из наиболее масштабных в новейшее время трансформаций мирового торгово-экономического ландшафта. Ее суть – перераспределение выгод от международной торговли в пользу участников МРТС, прежде всего США»³. Таков был стратегический замысел администрации Б. Обамы и его партнеров в Европе и других регионах мира.

Материальным воплощением указанной тенденции явилось возникновение проектов многочисленных и многообразных субрегиональных, региональных и межрегиональных интеграционных объединений. Крупнейшим из них явилось инициированное Вашингтоном и носившее модельный характер Транстихоокеанское торговое партнерство (ТПП), соглашение о котором было подписано 4 февраля 2016 в новозеландском Окленде представителями 12 государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР): Австралии, Брунея, Вьетнама, Канады, Малайзии, Мексики, Новой Зеландии, Перу, Сингапура, США, Чили и Японии⁴.

В этом же ряду следовало рассматривать и проект трансатлантической межрегиональной интеграции. Старт переговорному процессу по подготовке соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) был дан в феврале 2013 г., когда президент Б. Обама объявил о начале диалога с Евросоюзом, а в июне того же года страны-члены ЕС уполномочили Европейскую комиссию выступать в роли партнера Вашингтона, и уже 9 июля состоялся первый раунд американо-европейских переговоров⁵.

Создавалось впечатление, что «процесс пошел» и новая мегаструктура глобальной экономики приобретает конкретные очертания. Однако в дело вмешался мощный субъективный фактор – в США к власти, решительно отодвинув всех конкурентов, в буквальном смысле слова прорвался известный бизнесмен Д. Трамп, в предвыборной программе которого видное место занимали обещания кардинальным образом изменить экономическую политику Вашингтона, включая и ее внешний периметр.

Во многом благодаря внешнеэкономическим шагам хозяина Белого дома глобальная экономика вошла в зону турбулентности, стоит

³ Саламатов В. Мегарегиональные торговые соглашения // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 9, с. 17.

⁴ Office of the United States Trade Representative. TPP Full Text. – <https://ustr.gov/trade-agreements/>

⁵ Яковлев П.П. Трансатлантическое партнерство: контекст, значение, проблемные аспекты // Перспективы. Электронный журнал. 2016. № 4, с. 25–40.

на пороге глубокой трансформации. Это обстоятельство формирует новую повестку для всех стран мира – развитых и развивающихся. Разумеется, конкретные задачи, стоящие перед отдельными странами, могут различаться, но общим знаменателем является нестабильность и непредсказуемость развития, масштаб вызовов, острота возникших проблем. Все это требует переосмысления, поиска новых нетривиальных теоретических и практических подходов к широкому кругу вопросов дальнейшей эволюции мировой экономики и торговли. Международному сообществу предстоит сформировать новую модель глобального регулирования, наполнить ее содержанием, отвечающим требованиям сегодняшнего и (главное) завтрашнего дня.

Будет ли эта переоценка ценностей означать конец глобализации, или глобализационные процессы, пройдя через период потрясений и проверки на прочность, пережив неизбежную трансформацию, испытав на себе последствия «эффекта Трампа» получают дополнительный импульс и продолжают свое шествие по планете?

Не повторит ли идея конца глобализации судьбу знаменитого тезиса о «конце истории», который обернулся своей противоположностью: мировая история не только не закончилась, но на рубеже XX и XXI веков благодаря выходу на авансцену игроков из числа развивающихся стран приобрела ускорение и заиграла новыми гранями.

В предлагаемой вниманию читателя монографии в первом приближении сделана попытка дать ответ на эти ключевые геоэкономические вопросы.

ГЛОБАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА НА ПЕРЕЛОМЕ ТРЕНДОВ

В первый месяц 2016 г. мировая экономика пережила худшее начало года за многие десятилетия. Сразу несколько событий не просто совпали по времени, а выстроились в цепь негативных эффектов, потрясших международные финансовые и товарные площадки еще в 2015 г., с удвоенной силой дали о себе знать в наступившем году, «открывшем» вторую половину 2010-х. Завершился промышленный сверхрост Китая, обрушились цены на сырье, обвалились фондовые рынки, снизила обороты трансграничная торговля. Уплотнение ткани знаковых событий неизбежно вело к переходу от количества в качество. Как отмечалось на страницах британского журнала *The Economist*, чередой финансово-экономических шоков продемонстрировала хрупкость мировой экономики и «выпустила на свободу монстров глобальной нестабильности»⁶.

Именно сочетание разнородных факторов привело к усилению турбулентности и указало на то, что глобальные экономические структуры вступили в период глубокой и во многом болезненной трансформации. Неизбежным результатом этих изменений стало не только широко обсуждаемое экспертами формирование модели роста в логике «новой нормы» (*new normal economy*), но и возникновение целого ряда трудно предсказуемых явлений и вызовов. Говоря иначе, глобальная экономика оказалась на переломе трендов и была готова совершить прыжок в неизвестность.

Новый облик глобализационных процессов

Международных экспертов, анализирующих мировые процессы, можно условно разделить на «пессимистов» и «оптимистов». Группа «пессимистов» исходит из предположения, что нынешние экономические неурядицы – в значительной степени продолжение глобальных кризисных потрясений второй половины первого десятилетия XXI века. По мнению этих специалистов, события последних лет ясно указывают на то, что начавшийся в 2007 г. в США финансовый кризис, достигший общемировых масштабов в 2008–2009 гг. и охвативший сферу воспроизводства, растянулся во времени и пространстве, пустил множественные метастазы и перерос в серию кризисов отдельных стран и целых регионов (например, Латинской Америки и Европы), подвергнув

⁶ Who's afraid of cheap oil? Jan 23rd 2016. – <http://www.economist.com/node/21688854/print>

суровому испытанию их модели экономического роста. В ряде случаев такие модели утратили прежнюю функциональность, были, по сути, демонтированы и потребовали адекватной замены. В широком международном контексте, считают «пессимисты», данный тренд только формируется и займет немало времени, меняя лицо и направленность процесса глобализации.

Проблема в том, что власти многих стран не имеют надежных рецептов исправления сложившейся тяжелой ситуации. По оценке испанского эксперта Мигеля Отеро Иглесиаса, глобальная экономика находится в «палате интенсивной терапии», а «доктора» (даже самые авторитетные экономисты) «не знают, что делать, чтобы вылечить пациента». Продолжая свою метафору, автор подчеркивал: «...ситуация в мировой экономике настолько хрупкая, что, как в телевизионном сериале *House*, врачи готовы использовать любые препараты, даже с риском убить больного»⁷.

Иной позиции придерживаются «оптимисты». К их числу, в частности, следует отнести авторитетного швейцарского экономиста Клауса Шваба – основателя и бессменного президента Всемирного экономического форума (ВЭФ) в Давосе. К. Шваб считает, что мир стоит на пороге не спада, а взрывного роста, который вызовет четвертая промышленная революция, когда автомобили поедут без водителей, самолеты полетят без пилотов, а миллионы работников заменят роботы⁸.

Нечего и говорить, перспектива – обнадеживающая, хотя очевидно, что далеко не все страны в равной мере примут участие в будущем «празднике жизни». Но и в случае реализации такого «оптимистического» сценария, глобализация неизбежно приобретет во многом другую окраску.

Между тем общим знаменателем тех фундаментальных сдвигов, которые действительно начали происходить в мире, являлось складывание новой макроэкономической парадигмы, предполагавшей ряд качественных трансформаций в глобальном хозяйстве. В том числе: сравнительно невысокие темпы экономического роста многих государств и отдельных регионов (см. таблицу 1); переход экономик передовых стран на более высокий технологический уклад и связанное с этим изменение роли отдельных отраслей, а также науки, техники и образования; попытка формирования интеграционных мегаблоков, ме-

⁷ Otero Iglesias M. Radiografía (y primera resonancia) de la economía mundial: ¿estancamiento secular o shock tecnológico deflacionario? 27 de enero de 2016. – <http://www.realinstitutoelcano.org/>

⁸ Аскер-заде Н. Форум в Давосе: оптимисты и пессимисты представили свои прогнозы. 23 января 2016. – <http://www.vesti.ru/doc.html?id=2711605&cid=6>

няющих условия и правила международной торговли; повышение общественного внимания к проблеме социального неравенства и его влияния на динамику и содержание экономического развития. Другими словами, очень многое пришло в движение, кардинально менялось, и в этих условиях стало крайне сложно и даже рискованно прогнозировать дальнейший ход событий.

Таблица 1– Динамика мирового ВВП в % к предыдущему году
(2016 г. – оценка, 2017–2019 гг. – прогноз)

Страны и регионы	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Весь мир	2.7	2.7	2.3	2.7	2.9	2.9
Развитые государства	1.9	2.1	1.6	1.8	1.8	1.7
США	2.4	2.6	1.6	2.2	2.1	1.9
Зона евро	1.2	2.0	1.6	1.5	1.4	1.4
Япония	0.3	1.2	1.0	0.9	0.8	0.4
Развивающиеся страны	4.3	3.5	3.4	4.2	4.6	4.7
Азиатско-Тихоокеанский регион	6.7	6.5	6.3	6.2	6.1	6.1
Китай	7.3	6.9	6.7	6.5	6.3	6.3
Индонезия	5.0	4.8	5.1	5.3	5.5	5.5
Таиланд	0.8	2.8	3.1	3.2	3.3	3.4
Европа и Центральная Азия	2.3	0.5	1.2	2.4	2.8	2.9
Россия	0.7	-3.7	-0.6	1.5	1.7	1.8
Турция	5.2	6.1	2.5	3.0	3.5	3.7
Польша	3.3	3.9	2.5	3.1	3.3	3.4
Латинская Америка	0.9	-0.6	-1.4	1.2	2.3	2.6
Бразилия	0.5	-3.8	-3.4	0.5	1.8	2.2
Мексика	2.3	2.6	2.0	1.8	2.5	2.8
Аргентина	-2.6	2.5	-2.3	2.7	3.2	3.2
Ближний Восток и Северная Африка	3.3	3.2	2.7	3.1	3.3	3.4
Египет	2.9	4.4	4.3	4.0	4.8	5.4
Саудовская Аравия	3.6	3.5	1.0	1.6	2.5	2.6
Иран	4.3	1.7	4.6	5.2	4.8	4.5
Южная Азия	6.8	7.0	7.3	7.5	7.3	7.4
Индия	6.7	6.8	6.8	7.1	7.8	7.8
Пакистан	4.0	4.0	4.7	5.2	5.5	5.8
Бангладеш	6.1	6.6	7.1	6.8	6.5	6.7
Африка к югу от Сахары	4.7	3.1	1.5	2.9	3.6	3.7
ЮАР	1.6	1.3	0.4	1.1	1.8	1.8
Нигерия	6.3	2.7	-1.7	1.0	2.5	2.5
Ангола	5.4	3.0	0.4	1.2	0.9	0.9

Источник: The World Bank. Global Economic Prospects. January 2017. – <http://pubdocs.worldbank.org/>

Склонный к афористичным и парадоксальным сентенциям крупнейший международный инвестор Уоррен Баффетт (знаменитый Оракул из Омахи) заметил, что никогда не придает значения экономическим прогнозам, поскольку «не читает юмористических рассказов»⁹. Тем не менее, в среде экспертов не было и нет недостатка в прогнозах на будущее в тесной привязке к оценкам текущего положения и мегатрендов развития мировой экономики. В частности, характеризуя сложившееся в самом начале 2016 г. состояние дел на международном уровне, профессор Нью-Йоркского университета Нуриэль Рубини, за свои алармистские прогнозы известный как «Буревестник кризисов» и «Доктор апокалипсис» (Dr. Doom), отметил на ВЭФ в Давосе: «Это не 2008 год...пока. Но правительства должны действовать быстро»¹⁰.

В качестве одного из главных глобальных рисков маститый экономист назвал замедление роста китайской экономики: 2013 г. – 7.7%, 2014 г. – 7.3%, 2015 г. – 6.9%, 2016 г. (прогноз) – 6.7%.

Согласимся, что для такой тревожной оценки имелись веские основания. В последнее время китайскую экономику, долгие годы служившую ключевым двигателем глобального хозяйственного роста и мощно толкавшую вверх мировую торговлю, стали характеризовать проблемы, поражающие воображение своими масштабами. Показательно, что китайское торможение произошло в том момент, когда КНР подошла к вершине своего экономического могущества и по размеру ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют, превзошла США: в 2014 г. соответственно 18.0 и 17.4 трлн долларов. При этом КНР становилась все более капиталистической страной: в январе 2016 г. 1.3 млн китайцев открыли счета для игры на бирже, в результате чего общее число инвесторов превысило 100 млн человек на 12 млн больше, чем количество членов Коммунистической партии Китая¹¹.

Ошеломив весь мир непрерывным (в течение нескольких десятилетий) наращиванием производственной мощи и превратившись во «всемирную фабрику», ведущего глобального экспортера, крупнейшего импортера сырьевых и продовольственных ресурсов и важный источник инвестиций и кредитов для десятков стран, Китай в 2013–2015 гг., без всякого преувеличения, стал одним из источников нестабильности на глобальных товарных и финансовых рынках. В 2015 г.

⁹ Fernández D. Los países ricos marcan el paso de la economía // El País. Madrid, 27.12.2015.

¹⁰ González A. La economía global afronta su mayor desafío desde la crisis // El País, 23.01.2016.

¹¹ China supera los 100 millones de inversores de bolsa. 30 enero 2016. – <http://www.efe.com/efe/espana/>

китайский ВВП впервые за 35 лет вырос меньше чем на 7%, а с учетом ослабления юаня и беспрецедентных колебаний на местном фондовом рынке (на биржах Шанхая и Шэньчжэня) сегодня ясно, что КНР не является страной, неуязвимой для кризисных потрясений. К этому следует добавить колоссальное «бегство капитала» из Поднебесной, достигшее в 2015 г. 676 млрд долл. (92% общего объема оттока инвестиций из развивающихся государств, составившего 735 млрд долл.)¹². Уже одни эти цифры показывают, что замедление Китая имеет глобальное измерение, генерирует отрицательный мультипликативный эффект.

Переход глобальной экономики на «новую норму» – пониженную траекторию роста убедительно иллюстрирует динамика ключевых макроэкономических показателей за период 1980–2015 гг. (см. таблицу 2).

Таблица 2 – Рост объемов мирового ВВП, экспорта и ПИИ
(млрд долл.)

Показатель	1980	1990	2000	2010	2014	2015
Мировой ВВП	12274	22951	33299	65645	78037	74753
Мировой экспорт	2050	3496	6452	15302	18996	16552
Экспорт ВВП (%)	16.7	15.2	19.4	23.3	24.3	22.1
Накопленные ПИИ	701	2197	7489	20190	25113	24983
ПИИ/ВВП (%)	5.7	9.6	22.5	30.8	32.2	33.4

Источник: UNCTAD Handbook of Statistics 2016. U.N., New York and Geneva, 2016, pp. 2, 200, 222.

Обратимся к конкретным цифрам и начнем с мирового ВВП. Его объем в 1980–2000 гг. увеличился в 2.7 раза, в 2000–2010 гг. (несмотря на разрушительный эффект кризиса 2008–2009 гг.) вырос почти вдвое, а в 2010–2015 гг. подрос всего на 14%, причем в 2014–2015 гг. глобальный ВВП сократился на 4.2%. Еще более разительная картина сложилась в сфере международной торговли. В 1980–2014 гг. мировой товарный экспорт рос опережающими темпами и достиг своего максимального показателя (фактически 19 трлн долл.), в 9.3 раза превысив уровень 1980 г. и почти в три раза – уровень 2000 года. Однако в 2015 г. мировой экспорт упал почти на 13%. Существенно замедлился рост объема накопленных прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Если вплоть до 2014 г. этот показатель стабильно увеличивался и с 1980 г. вырос почти в 36 раз, то в 2015 г. он впервые продемонстрировал абсолютное снижение.

¹² IIF – Institute of International Finance. January 2016 Capital Flows to Emerging Markets. January 19, 2016. – <https://www.iif.com/>

Глобализация оказала ощутимое воздействие на композицию группы лидеров мировой торговли, выявив те страны, которые выиграли от этого процесса, и те, которые – проиграли. Сравним списки крупнейших государств-экспортеров товаров в 1990 и в 2015 годах (см. таблицу 3). Как видим, в первом случае в числе лидеров не фигурировали четыре страны: Южная Корея, Бельгия, Мексика и Россия, которые в 2015 г. заняли места Тайваня, Швейцарии, Швеции и Испании. Феноменальный взлет продемонстрировал Китай, передвинувшийся с 12-го места на 1-е и увеличивший объем своего товарного экспорта в почти в 37 раз при росте общемирового показателя за тот же период в 4.8 раза. В результате доля КНР в мировом экспорте в 1990–2015 гг. выросла с 1.8 до 13.8%.

Таблица 3 – Топ–15 мировых экспортеров товаров
(млрд долл.)

1990 г.			2015 г.		
№	Страна	Экспорт	№	Страна	Экспорт
1	Германия	421	1	Китай	2275
2	США	394	2	США	1505
3	Япония	287	3	Германия	1329
4	Франция	217	4	Япония	625
5	Великобритания	185	5	Нидерланды	567
6	Италия	170	6	Южная Корея	527
7	Канада	128	7	Гонконг	511
8	Нидерланды	132	8	Франция	506
9	Гонконг	82	9	Великобритания	460
10	Тайвань	67	10	Италия	459
11	Швейцария	64	11	Канада	408
12	Китай	62	12	Бельгия	398
13	Швеция	58	13	Мексика	381
14	Испания	56	14	Сингапур	351
15	Сингапур	53	15	Россия	340
16	Мировой экспорт	3442	16	Мировой экспорт	16482
17	Топ–15	2376	17	Топ–15	10642
18	Доля Топ–15 (%)	69.0		Доля Топ–15 (%)	64.5

Источник: WTO. International Trade Statistics. 2001. Geneva, 2001, p. 170–173; WTO. World Trade Statistical Review. 2016. Geneva, 2016, p. 94.

Схожие подвижки были зафиксированы в 1990–2015 гг. и в составе крупнейших стран-импортеров (см. таблицу 4). В данном случае в 2015 г. в их число вошли Южная Корея, Канада, Индия и Бельгия, а Китай переместился с 14-го на 2-е место.

Таблица 4 – Топ–15 мировых импортеров товаров
(млрд долл.)

1990 г.			2015 г.		
№	Страна	Импорт	№	Страна	Импорт
1	США	517	1	США	2308
2	Германия	356	2	Китай	1682
3	Япония	235	3	Германия	1050
4	Франция	234	4	Япония	648
5	Великобритания	223	5	Великобритания	626
6	Италия	182	6	Франция	573
7	Нидерланды	121	7	Гонконг	559
8	Испания	88	8	Нидерланды	506
9	Гонконг	85	9	Южная Корея	436
10	Швейцария	70	10	Канада	436
11	Сингапур	61	11	Италия	409
12	Тайвань	55	12	Мексика	405
13	Швеция	54	13	Индия	392
14	Китай	53	14	Бельгия	375
15	Мексика	44	15	Испания	309
16	Мировой импорт	3542	16	Мировой импорт	16725
17	Топ–15	2324	17	Топ–15	10684
18	Доля топ–15 (%)	65.6	18	Доля топ–15 (%)	63.9

Источник: WTO. International Trade Statistics. 2001. Geneva, 2001, p. 174–177; WTO. World Trade Statistical Review. 2016. Geneva, 2016, p. 94.

Можно отметить и некоторое снижение доли стран топ–15 в общемировом экспорте (с 69 до 64.5%) и импорте (с 65.5 до 63.9%), что свидетельствует о расширении участия в мировой торговле других государств.

Иными словами, развертывание процесса глобализации в течение трех с половиной десятилетий способствовало ускоренному мировому экономическому развитию, создало дополнительные благоприятные условия для опережающего роста международной торговли, стимулировало наращивание притока прямых иностранных инвестиций, накопленный объем которых в 2014 г. достиг своего максимального уровня, превысив 25 трлн долл. (более 32% мирового ВВП).

Но одновременно в недрах глобализации происходило накопление противоречий и структурных дисбалансов, особенно выпукло проявившихся в период кризиса 2008–2009 годов. С этого момента мировая экономика входит в зону повышенной турбулентности и нарастающей неопределенности.